

Линь Чэн:

— Спасибо, режиссёр Ван, но я хотел бы сам разобраться. Я уже много раз просмотрел материал, и сейчас моё состояние в порядке. Слишком много вмешательства может только помешать.

Ван Цзэвэнь поднял телефон, показывая его Лю Фэну:

— Смотри. Почему?

Лю Фэн хотел что-то сказать, но остановился, сжимая в руке бумагу, которая смялась в комок. Он с досадой произнёс:

— ...Режиссёр Ван, может, вы просто оставите его в покое?

Ван Цзэвэнь посмотрел на Лю Фэна, как будто не узнавая его:

— Почему? Это же актёр, которого я сам пригласил, и ты говоришь, чтобы я не вмешивался? Я же просто обсуждаю с ним рабочие моменты.

Лю Фэн:

— ...

«Какие рабочие моменты? Разве кто-то не видит твоей лицемерия?»

Ван Цзэвэнь, опираясь на стену, ещё немного посмотрел на телефон, видимо, так и не поняв, что происходит, и наконец сдался. Он махнул рукой Лю Фэну:

— Давай снимать.

.

К счастью, съёмочная группа была действительно занята, и это быстро отвлекло внимание Ван Цзэвэня. Закончив съёмочный день и подведя итоги, у него уже не осталось сил думать о всех этих пустяках.

Однако, когда он возвращался с ребятами из группы в отель, в холле он снова столкнулся с Линь Чэном, который как раз возвращался с ужина.

Это можно было назвать своего рода судьбой. Раньше такого совпадения не случалось.

Ван Цзэвэнь поздоровался с ним, но Линь Чэн, остановившись вдалеке, лишь махнул рукой и молча ушёл.

Ван Цзэвэнь почувствовал себя неловко. Даже будучи слепым, он мог понять, что Линь Чэн относится к нему с опаской.

Хороший парень вот так вот пропал, и ему это не нравилось.

Даже оператор заметил это, подойдя и спросив:

— Ты что, обидел молодого актёра?

— Я его не обижал.

— Кого ты обманываешь? — усмехнулся оператор, проходя мимо. — Не устраивай травлю в группе, Линь Чэн хороший парень. Ответственный и послушный.

Ван Цзэвэнь подумал, что если уж и говорить о травле, то жертвой в ней стал он сам.

Вечером Лю Фэн зашёл в номер Ван Цзэвэня и обнаружил его за столом, окружённого документами, с сигаретой в руке. Пепельница была полна окурков, и непонятно, сколько он уже выкурил. В комнате стоял густой табачный дым, который был настолько насыщенным, что Лю Фэн едва мог дышать.

Он поспешно подошёл к окну, распахнул его, впуская холодный воздух, чтобы развеять дым.

Лю Фэн обернулся:

— Режиссёр Ван, что ты делаешь?

Ван Цзэвэнь, перебирая бумаги, ответил:

— Работаю.

— Раньше ты никогда так не работал, — сказал Лю Фэн. — Ты слишком много куришь. Ты что, хочешь попасть напрямую в реанимацию? Фильм ещё не снят.

Ван Цзэвэнь сделал глоток воды. Из-за табачного привкуса во рту вода показалась горькой.

Ему было просто не по себе, но он не мог понять, отчего.

Рабочих проблем было слишком много. Последние сцены были сложными: много людей, большие декорации, и при движении в кадре картина казалась хаотичной. Они переснимали бесчисленное количество дублей, и до сих пор не было решено, как их монтировать.

Окончательный результат казался недостаточно впечатляющим, не хватало того самого толчка, чтобы поднять сюжет до кульминации.

Ван Цзэвэнь решил, что этот толчок может дать Бэй Гу.

Во-первых, это было превосходное владение мечом Одинокого Мечника. В саду с высокими стенами, где собрались лучшие мастера, в напряжённой схватке на жизнь и смерть, под проливным ночным дождём — такое стеснённое и опасное зрелище на большом экране будет потрясающим.

Этот эпизод изначально был в сценарии, но потом его убрали, потому что актёр на вторую мужскую роль не справлялся с боевыми трюками. Теперь он решил вернуть его.

Во-вторых, этот эпизод был связан с жертвой Бэй Гу, которая должна была оказать ещё один удар по духовному миру Фэн Чунгуана, подтолкнув главного героя на путь решимости.

В оригинальном сценарии это был полностью безмолвный психологический обмен, где все бурные эмоции скрывались за звуками дождя и их взглядами.

Но Ван Цзэвэнь не был уверен, сможет ли Линь Чэн справиться с этой сценой, и сможет ли Го Иши её поддержать.

Он размышлял, не добавить ли несколько реплик для пояснения, но эти слова не должны были разрушить атмосферу сцены. Сценарист и постановщик боёв уже ушли в «затворничество», а он сидел в своей комнате, и как только начинал думать об эпизоде с Бэй Гу, в его голове оставался только Линь Чэн.

Это было абсолютно непрофессионально.

Да, Линь Чэн морально давил на него. В такой момент.

Лю Фэн долго смотрел на него.

Ван Цзэвэнь снимал много фильмов и сталкивался с множеством проблем, но никогда прежде он не чувствовал себя так неуравновешенно, как сейчас.

Он не любил неприятностей, казался вспыльчивым, но на самом деле был терпеливым, внимательным и очень чутким.

Лю Фэн спросил:

— Не можешь понять?

Ван Цзэвэнь, выпуская дым, кивнул:

— Не могу.

Лю Фэн сел напротив, колеблясь, осторожно сказал:

— Тогда, может, просто не думай об этом?

— Но почему он вдруг изменился? — Ван Цзэвэнь потирал лоб, чувствуя себя потерянным. — Это нелогично.

Лю Фэн воскликнул:

— Наука не может объяснить многое! Она даже облысение не может вылечить!

Ван Цзэвэнь сказал:

— У меня нет облысения, ему не нужно мне помогать.

Лю Фэн:

— Может, он просто хочет побыть один, так дай ему это.

Ван Цзэвэнь упёрся:

— Зачем ему вдруг быть одному?

Лю Фэн:

— Может, он расстался с кем-то?

Ван Цзэвэнь разозлился:

— Карьера ещё не построена, а он уже думает о любви?

Лю Фэн:

— ...У тебя нет сердца.

Ван Цзэвэнь посмотрел на него:

— У тебя больше нет премии.

Лю Фэн закричал:

— Я виноват! Я виноват, ладно?!

Ван Цзэвэнь затушил сигарету и твёрдо сказал:

— Ты что-то скрываешь. Вы оба.

Лю Фэн слабым голосом сказал:

— Ты же сам говорил, что работа важнее всего, остальное — ерунда.

— Хорошо, я закончу этот фильм, — сказал Ван Цзэвэнь. — Ты конченный.

Лю Фэн:

— ...

Линь Чэн проснулся, взглянул на телефон и увидел, что Ван Цзэвэнь снова написал ему.

Он не понимал, что происходит. Раньше он всегда радовался сообщениям от Ван Цзэвэня, но сейчас всё было иначе.

Он вспомнил, как Ван Цзэвэнь стоял у входа в отель, смотря на него, когда он уходил, с растерянным и как будто потерянным выражением лица, и ему стало не по себе.

Ему не нравилось, когда Ван Цзэвэнь выглядел так.

С одной стороны, он хотел, чтобы Ван Цзэвэнь просто оставил его в покое, с другой — он был рад, что Ван Цзэвэнь не знает о его чувствах и всё ещё заботится о нём.

Он хотел, чтобы Ван Цзэвэнь всегда смотрел на него с одобрением, но сам своим холодным отношением разрушал это одобрение.

Ван Цзэвэнь, такой умный человек, наверняка уже понял его намерения и, возможно, считает его капризным и высокомерным. Их сотрудничество было кратковременным, и оно не выдержало бы испытания дружбой. Та симпатия, возможно, закончится раньше, чем этот фильм.

Линь Чэн усмехнулся, но тут же перестал. Он собрался с духом, потёр лицо, встал и начал собирать вещи.

У него впереди были опасные ночные съёмки, и постановщик боёв посоветовал ему начать репетиции пораньше, поэтому он решил выйти на работу раньше.

В полдень Линь Чэн надел толстую куртку, взял с собой термос, одеяло и сменную одежду,

сложил всё в большую сумку и отправился на съёмочную площадку, чтобы снова погрузиться в работу.

Придя на площадку, он встретил постановщика боёв, который помог ему переодеться и отвёл в угол декораций.

Ван Цзэвэнь работал на другой стороне, а он, вне кадра, репетировал движения с массовой.

Линь Чэн сначала был немного рассеян, но, благодаря поддержке окружающих, быстро сосредоточился.

Постановщик боёв терпеливо объяснял, снова и снова показывая движения. Из-за высоких требований Ван Цзэвэня он сам не был полностью доволен своими действиями, и когда Линь Чэн выучил их и показал перед ним, он решил, что можно ещё что-то улучшить, и начал кропотливо вносить изменения.

Линь Чэн не жаловался, продолжая работать вместе с постановщиком. Ему нравилось такое стремление к совершенству, хотя он и устал.

Они тренировались весь день и наконец разработали серию движений, которые понравились постановщику.

Линь Чэн был весь в поту, его щёки покраснели, но он чувствовал прилив сил и лёгкость.

Возможно, из-за переутомления, когда его спускали на тросах, он оступился и упал.

Сотрудники, наблюдавшие издали, не поняли, что произошло, и подумали, что Линь Чэн упал со стены, начав кричать.

Постановщик боёв тоже испугался. Он уже почти заработал фобию к тросам, и если бы Линь Чэн получил травму, и эта сцена снова не была бы снята, Ван Цзэвэнь бы точно оторвал ему голову, чтобы успокоить инвесторов.

<http://bllate.org/book/16818/1564783>